

Льюис Кэрролл. Фотограф на выезде

Я потрясен, у меня все болит – там ссадина, тут синяк. Сколько раз повторять: не имею никакого понятия, что стряслось, и нечего донимать меня расспросами. Ну хорошо, могу прочесть вам отрывок из дневника, где дан полный отчет о вчерашних событиях. 23 августа, вторник. А еще говорят, будто фотографы – все равно что слепцы: для нас, мол, самое хорошенькое личико – лишь игра света и теней, мы-де редко восхищаемся искренне, а полюбить просто не способны. Это заблуждение, которое очень хотелось бы развеять. Только бы найти такую молодую леди, чтобы ее фотография отразила мой идеал красоты, и хорошо бы, чтоб ее звали... (ну почему, скажите на милость, имя Амелия влечет меня сильнее, чем любое другое?) – вот тогда, я уверен, мою холодность и философское безразличие как рукой снимет.

Похоже, долгожданный день настает. Сегодня вечером на улице Хеймаркет я столкнулся с Гарри Гловером.

– Таббс! – заорал он, хлопая меня фамильярно по спине, – мой дядя зовет тебя завтра к себе на виллу вместе с камерой и со всем имуществом!

– Но я не знаю твоего дядю, – отвечал я со своей обычной осторожностью. (Если у меня вообще есть достоинства, то это спокойная, приличествующая джентльмену осмотрительность).

– Неважно, старик, зато он про тебя все знает. Поедешь первым утренним поездом и прихвати все свои бутылочки с химикалиями – там тебя ждет целая куча лиц, достойных обезображивания, а еще...

– Не смогу, – оборвал я его довольно грубо: меня встревожил объем предлагаемой работы.

– Ну что ж, они будут сильно огорчены, только и всего, – сказал Гарри с непроницаемым лицом, – и моя двоюродная сестричка Амелия...

– Ни слова больше! – вскричал я в восторге. – Еду!..

И тут как раз подошел мой омнибус, я вскочил на подножку и умчался под грохот колес, прежде чем он опомнился после столь крутой перемены моего настроения. Стало быть, решено, завтра я увижу Амелию!

24 августа, среда.

Чудесное утро. Собираясь в великой спешке, я разбил только две бутылочки и три склянки. На виллу "Розмари" я явился, когда все сидели за завтраком. Отец, мать, два сына-школьника, целый выводок дошколят и неизбежный беби.

Но как описать старшую дочь? Слова бессильны, только фотопластинка могла бы передать ее красоту. Носик прекрасных пропорций (ротик, пожалуй, можно бы чуточку уменьшить), зато изысканные полутона щек кого угодно заставили бы забыть о любых недостатках, а уж световые блики на подбородке были само совершенство. О, какой бы она вышла на снимке, если бы злой рок... но я опережаю события.

Там был еще некий капитан Флэнеген...

Отдаю себе отчет, что предыдущий абзац получился коротковат, но мне вдруг припомнилась чудовищная нелепость: этот идиот искренне верил, что помолвлен с Амелией (с моей Амелией!). Я задохнулся от ярости и не мог продолжать описание. Готов согласиться, что

этот тип хорошо сложен и довольно смазлив, но на что годны лицо и фигура без мозгов?

Сам я, пожалуй, не очень-то крепкого сложения, да и выправкой никак не похожу на военных жирафов – но к чему описывать себя самого? Моя фотография (собственной работы) будет вполне достаточным и неоспоримым аргументом для всего мира.

Завтрак, вне сомнения, был хорош, но я не помню, что ел и что пил: я жил Амелией, одной Амелией, и, глядя на ее бесподобный лобик, на ее точеные черты, сжимал кулаки в невольном порыве (чуть не опрокинув при этом чашку с кофе) и восклицал про себя: "Я хочу снять эту женщину – и сниму даже ценой собственной гибели!.."

После завтрака началась моя работа, и я опишу ее кратко, сюжет за

сюжетом:

Кадр 1. Отец семейства. Я хотел было повторить съемку, но все решили в голос, что и так хорошо: у него, мол, был "вполне обычный вид". По-моему, это не слишком для него лестно, если только не считать "вполне обычным" вид человека, у которого в горле застряла кость и который пытается облегчить муки удушья, скосив оба глаза на кончик носа.

Кадр 2. Мать семейства. Она объявила с жеманной улыбкой, что "в молодости очень увлекалась театром" и хотела бы "сняться в роли любимой шекспировской героини". На кого она намекала, осталось для меня тайной, сколько бы я ни думал, и я отказался от дальнейших попыток за их безнадежностью: не знаю шекспировских героинь, у кого судорожная взвинченность сочеталась бы с таким безразличным выражением лица и кого можно было бы обрядить в синее шелковое платье с шотландским шарфом, переброшенным через плечо, и с гофрированным воротником времен королевы Елизаветы, а также вручить в руки охотничий хлыст.

Кадр 3, 17-я попытка. Беби повернули в профиль. Я долго ждал, пока он не перестанет сучить ножками, потом наконец снял крышку с объектива. Маленький негодник тут же дернул головой. К счастью, она сместилась всего на дюйм, стукнув няньку по носу и тем самым удовлетворив обычное ребячье условие в драке - "до первой крови". В результате на снимке появились два глаза, некое подобие носа и до нелепости широкий рот. Поэтому я назвал то, что получилось, снимком анфас и перешел к следующему сюжету.

Кадр 4. Три младшие дочки. Выглядели они так, словно каждой дали слабительное, а потом связали всех вместе за волосы, прежде чем гримаса отвращения к лекарству исчезнет с их лиц. Разумеется, я оставил свое мнение при себе и заявил не мудрствуя, что они "напоминают мне трех граций".

Кадр 5. Задуман как художественная кульминация всего дня: общая группа, составленная родителями и сочетающая в себе семейный портрет с аллегорией. По замыслу, на голову беби следовало возложить цветы - объединенными усилиями всех остальных детей, под общим руководством отца и под непосредственным надзором матери. Подразумевался и второй смысл: "Победа передает свой лавровый венок Невинности. Решимость, Свобода, Вера, Надежда и Милосердие помогают в осуществлении

этой достойной задачи, а Мудрость взирает на происходящее, выражая улыбкой свое одобрение". Повторяю, таковы были намерения. Что касается результата то любой непредвзятый наблюдатель мог прийти к единственно возможному выводу: у беби случился припадок; мать (вне сомнения, ошибочно толкуя основы анатомии) стремится привести его в чувство, сворачивая ему голову, дабы затылок соприкоснулся с грудью; двое мальчишек, полагая, что младенец вот-вот успокоится, выдирают у него каждый по пряди волос на память о его последних минутах; две девчонки, выжидающие своей очереди дотянуться до волосенки беби, используют передышку для того, чтобы придушить третью; а отец, не в силах смириться, что семейство ведет себя столь неподобающим образом, лихорадочно ищет карандаш, дабы оставить о сем соответствующую запись.

И все это время у меня не было случая попросить мою Амелию позировать мне отдельно. Такая возможность представилась только за обедом, и, поговорив о фотографии вообще, я повернулся к ней со словами:

- Прежде чем день подойдет к концу, мисс Амелия, я льщу себя надеждой, что вы удостоите меня разрешения сделать ваш портрет.

Она отвечала с милой улыбкой:

- Конечно, мистер Таббс. Тут неподалеку есть один коттедж. Мне хотелось бы, чтобы вы сняли его после обеда, а затем я к вашим услугам.

- Превосходно! - вмешался этот неотесанный капитан Флэнеген. - Только, чтоб она выглядела заманчиво. Не так ли, Мели, дорргая?

- Конечно, капитан Флэнеген, - перебил я со всем возможным достоинством.

Однако что толку держаться вежливо со скотиной: он разразился громовым ржанием, и Амелия, как и я, едва удержалась от того, чтобы не отчитать его за бесцеремонность. Тем не менее она с природным тактом пресекла его выходку, сказав этому медведю:

- Ладно, ладно, капитан, мы не должны обращаться с ним слишком строго!..

Строго обращаться со мной? Она обратила на меня внимание! Благослови

тебя Бог, Амелия!..

Внезапное счастье охватило меня почти безраздельно, слезы подступили к глазам. Я повторял про себя: "Мечта жизни сбывается! Мне предстоит сфотографировать Амелию!.." В сущности, я был готов в благодарности пасть перед ней на колени и мог бы сделать это, не помешай мне скатерть и не осознай я, что встать потом окажется трудновато.

И все же под конец обеда я улучил момент облеечь одолевающие меня чувства в слова. Амелия сидела рядом со мной, я повернулся к ней и произнес чуть слышно, стихами:

- Сердце бьется - близок любви порог...

Но тут наступила общая тишина, и вторую строку произнести не удалось. С восхитительным присутствием духа девушка откликнулась:

- Вы сказали "пирог", мистер Таббс? Капитан Флэнеген, могу я просить вас отрезать мистеру Таббсу кусок пирога?

- Тут почти ничего не осталось, Мели, - капитан вскинул свою тупую башку,

- может, передать ему блюдо целиком?

- Не утруждайтесь, сэр, - вмешался я, испепеляя его взглядом, но он только ухмыльнулся:

- Ну не стесняйтесь, Таббс, мой мальчик, на кухне наверняка осталось пирога вдоволь...

Амелия посмотрела на меня умоляюще, и пришлось мне проглотить свою ярость - вместе с пирогом.

После обеда, получив указания, как найти нужный коттедж, я пристегнул к камере плотный чехол, чтобы проявлять негативы прямо после съемки, взвалил ее на плечо и направился в сторону холмов, как и было велено. Моя Амелия сидела у окна за работой. Я прошел под окном, но - увы! - ирландский боров был с нею рядом. В ответ на мой взгляд, исполненный безмерного обожания, она вымолвила обеспокоенно:

- Не тяжело ли вам, мистер Таббс? Почему бы вам не обзавестись мальчишкой-носильщиком?

- Или ослом, - хихикнул капитан.

Я остановился как вкопанный, стремительно обернулся к нему, чувствуя: теперь или никогда! Достоинство мужчины должно быть утверждено, бесцеремонность пресечена. Ей я сказал всего лишь: "Спасибо, спасибо!..", поцеловав при этом тыльную сторону своей ладони. Потом встретился глазами с идиотом, замершим подле нее, и прошипел сквозь стиснутые зубы:

- Мы еще встретимся, капитан!

- Ну конечно, встретимся, Таббс, - ответил тупица, так ничего и не поняв, - в шесть часов за ужином.

Вернув камеру на плечо, я мрачно двинулся дальше. Но уже через два шага снова пришел в себя: я знал, что Амелия провожает меня взглядом, и моя поступь по гравии стала опять упругой. Что значит по сравнению с ее взглядом целая орда капитанов? Разве им по силам нарушить мое самообладание?..

От виллы до холмов была без малого миля, и я вскарабкался на вершину, задыхаясь от усталости. Тем не менее мысль об Амелии заставила меня найти наилучшую точку съемки с тем, чтобы в кадр попали фермер и корова. Прошептал: "Амелия, только ради тебя!", я снял крышку с объектива, а через 1 минуту 40 секунд вернул ее на место с восклицанием: "Готово!". И, не владея собой от восторга, добавил: "Амелия, теперь ты моя!.." Нетерпеливо, волнуясь, я сунул голову под чехол и приступил к процессу проявления. Деревья вышли довольно туманными - что попишешь, налетел ветер и пошевелил их, но они не играют особой роли. Фермер переместился на ярд-другой. Рук и ног у него прибавилось - да Бог с ним, назовем его пауком, сороконожкой, кем и чем угодно. Корова? Как ни огорчительно, вынужден признать, что у нее оказалось три головы, а трехголовое чудовище, может, и любопытно, но привлекательным его не назовешь. Зато в отношении коттеджа не оставалось никаких сомнений, высокие его трубы получились безукоризненно.

В это мгновение внутренний мой монолог был прерван чьим-то постукиванием по плечу, притом достаточно властным. Я выбрался из-под чехла - надо ли говорить, что со спокойным достоинством? - и увидел перед собой незнакомца. Крепкого сложения, вульгарно одетого, с отвратительными манерами и зажатой в зубах соломинкой. С ним был спутник еще более отталкивающей наружности.

- Молодой человек, - начал первый, - вы вторглись в чужие владения, убирайтесь подобру-поздорову и не вздумайте спорить!

Вряд ли стоит уточнять, что я не придавал его словам значения, а достал бутылочку с гипосульфитом и принялся фиксировать снимок. Он попробовал остановить меня, я стал сопротивляться, негатив упал и разбился. А больше я ничего не помню, правда, у меня сохранилось смутное подозрение, что я кого-то ударил.

Если, выслушав все, что я вам поведал, вы сможете предложить хоть какое-нибудь объяснение моему нынешнему состоянию, сделайте одолжение. Но самому мне добавить нечего, кроме того, что я сказал с самого начала: я потрясен, у меня все болит, синякам и ссадинам несть числа, а как я их получил, не имею ни малейшего представления.

От редакции.

В 1956 году весь мир обошла международная фотовыставка "Род человеческий", побывавшая даже в Москве. Поскольку отбор произведений был очень строгий, искусство английских мастеров XIX века оказалось представленным одной фотоработой. Ее автором был Чарльз Лютвидж Доджсон. более известный под псевдонимом Льюис Кэрролл.